

Фёдор Достоевский

# БЕСЫ

РОМАН

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
Д70

**Достоевский, Ф.**

Д70 Бесы / Ф. Достоевский. — М. : T8RUGRAM. — 716 с. —  
(Модное чтение).

ISBN 978-5-519-64643-9

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) — великий русский писатель, один из лучших романистов-классиков, мыслитель, философ и публицист, творчество которого оказало воздействие на мировую литературу.

«Бесы» — третий роман грандиозного «Великого Пятикнижия», захватывающая история о вымышленном губернском городе, в котором сын либерала, главный идейный вдохновитель революционной ячейки, пытается вовлечь в нигилистическое движение сына помещицы. Конфликт отцов и детей, проблемы либерализма и «бесовства», а также темы христианской любви и жертвенности, затронутые автором в романе, не теряют своей актуальности и будут интересны читателям XXI века.

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
VIC FC  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-64643-9

© T8RUGRAM, 2018

# СОДЕРЖАНИЕ

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Вместо введения: несколько подробностей из биографии многотимого Степана Трофимовича Верховенского .....	9
ГЛАВА ВТОРАЯ. Принц Гарри, сватовство .....	43
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Чужие грехи .....	83
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Хромоножка .....	129
ГЛАВА ПЯТАЯ. Премудрый змий .....	163

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Ночь .....	213
ГЛАВА ВТОРАЯ. Ночь (Продолжение) .....	261
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Поединок .....	285
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Все в ожидании .....	297
ГЛАВА ПЯТАЯ. Пред праздником .....	319
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Петр Степанович в хлопотах .....	343
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. У наших .....	387
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Иван-Царевич .....	411
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Степана Трофимовича описали .....	421
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Флибустьеры. Роковое утро .....	433

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Праздник. Отдел первый .....	457
ГЛАВА ВТОРАЯ. Окончание праздника .....	487
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Законченный роман .....	515
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Последнее решение.....	537
ГЛАВА ПЯТАЯ. Путешественница.....	561
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Многотрудная ночь .....	591
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Последнее странствование Степана Трофимовича .....	623
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Заключение.....	659

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. У Тихона.....	673
ЗАВИСТЬ (Из подготовительных материалов к «Бесам»)....	707

*Хоть убей, следа не видно,  
Сбились мы, что делать нам?  
В поле бес нас водит, видно,  
Да кружит по сторонам.*

*Сколько их, куда их гонят,  
Что так жалобно поют?  
Домового ли хоронят,  
Ведьму ль замуж выдают?*

**А. Пушкин**

*Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и брошено стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся.*

**Евангелие от Луки Глава VIII, 32—6**



# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### *Вместо введения: несколько подробностей из биографии многочтимого Степана Трофимовича Верховенского*

#### I

Приступая к описанию недавних и столь странных событий, происшедших в нашем, доселе ничем не отличавшемся городе, я принужден, по неумению моему, начать несколько издалека, а именно некоторыми биографическими подробностями о талантливом и многочтимом Степане Трофимовиче Верховенском. Пусть эти подробности послужат лишь введением к предлагаемой хронике, а самая история, которую я намерен описывать, еще впереди.

Скажу прямо: Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, — так даже, что, мне кажется, без нее и прожить не мог. Не то чтоб уж я его приравнивал к актеру на театре: сохрани боже, тем более что сам его уважаю. Тут всё могло быть делом привычки, или, лучше сказать, непрерывной и благородной склонности, с детских лет, к приятной мечте о красивой гражданской своей постановке. Он, например, чрезвычайно любил свое положение «гонимого» и, так сказать, «ссылного». В этих обоих словечках есть своего рода классический блеск, соблазнивший его раз навсегда, и, возвышая его потом постепенно в собственном мнении, в продолжение столь многих лет, довел его наконец до некоторого весьма высокого и приятного для самолюбия пьедестала. В одном сатирическом английском романе прошлого столетия некто Гулливер, возвращаясь из страны лилипутов, где люди были всего в какие-нибудь два вершка росту, до того приучился считать себя между ними великаном, что, и ходя по улицам Лондона, невольно кричал прохожим и экипажам, чтоб они пред ним сворачивали и остерегались, чтоб он как-нибудь их не раздавил, воображая, что он всё

еще великан, а они маленькие. За это смеялись над ним и бранили его, а грубые кучера даже стегали великана кнутьями; но справедливо ли? Чего не может сделать привычка? Привычка привела почти к тому же и Степана Трофимовича, но еще в более невинном и безобидном виде, если можно так выразиться, потому что прекраснейший был человек.

Я даже так думаю, что под конец его. все и везде позабыли; но уже никак ведь нельзя сказать, что и прежде совсем не знали. Бесспорно, что и он некоторое время принадлежал к знаменитой плеяде иных прославленных деятелей нашего прошедшего поколения, и одно время, — впрочем, всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносились чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена. Но деятельность Степана Трофимовича окончилась почти в ту же минуту, как и началась, — так сказать от «вихря сошедшихся обстоятельств». И что же? Не только «вихря», но даже и «обстоятельств» совсем потом не оказалось, по крайней мере в этом случае. Я только теперь, на днях, узнал, к величайшему моему удивлению, но зато уже в совершенной достоверности, что Степан Трофимович проживал между нами, в нашей губернии, не только не в ссылке, как принято было у нас думать, но даже и под присмотром никогда не находился. Какова же после этого сила собственного воображения! Он искренно сам верил всю свою жизнь, что в некоторых сферах его постоянно опасаются, что шаги его непрерывно известны и сочтены и что каждый из трех сменившихся у нас в последние двадцать лет губернаторов, въезжая править губернией, уже привозил с собою некоторую особую и хлопотливую о нем мысль, внушенную ему свыше и прежде всего, при сдаче губернии. Уверь кто-нибудь тогда честнейшего Степана Трофимовича неопровержимыми доказательствами, что ему вовсе нечего опасаться, и он бы непременно обиделся. А между тем это был ведь человек умнейший и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, хотя, впрочем, в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего. Но ведь с людьми науки у нас на Руси это сплошь рядом случается.